

Грачева А. Д.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ ПЕТРА» А. С. ПУШКИНА

В работах советских исследователей, изучающих творчество А. С. Пушкина, неоднократно отмечалась широта интернациональных интересов поэта. Этот интерес, возникший у него под влиянием декабристов и во время путешествий по России, Молдавии, Кавказу, усилился в тридцатые годы прошлого столетия в связи с работой поэта над «Капитанской дочкой» и «Историей Пугачева».

Жизнь многих народностей нашла отражение в творческом наследии А. С. Пушкина. В его последнем незавершенном произведении «История Петра» находим упоминание и о туркменах. Эти сведения, представляющие несомненный интерес, могут пополнить имеющиеся в пушкиноведении данные об интернациональных интересах А. С. Пушкина.

В «Истории Петра», где автор повествует о «деяниях» Петра I в 1718 году, есть строки: «...Из Астрахани пошел он (А. Бекович — А. Г.) в море, взяв с собою морских офицеров Лебедева, Рентеля, Кожина, Давыдова и штурмана Бранта. С ним был тухменец Хаджи-Нефес (автор прожекта сего) и князь Саманов, персидский князек из Гиляни (перекрест, живший в Астрахани и *compère ou dupe de Hadji Nefese*)» [1,392—393].

Исследователи, занимавшиеся изучением источников названного произведения [6; 11; 12; 16], утверждают, что в основе пушкинского текста лежит один литературный источ-

ник — «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова [5]. Пушкин следует за И. И. Голиковым в констатации исторических фактов, освещающих деятельность Петра I и в передаче последовательной очередности событий.

Строки, приведенные нами в начале статьи, имеют непосредственное отношение к одному из важных в петровской эпохе событий, связанному с началом постоянных официальных сношений России с туркменским народом. Именно инициативе Петра I «мы обязаны получением первых научных, то есть основанных на исследованиях, данных о Каспийском море и его восточных берегах» [15, 76].

Петр I своими реформами в области гражданского и военного устройства стремился к созданию национальной промышленности, к улучшению торговых связей России не только с западом, но и с азиатскими странами. Он хорошо понимал выгодность географического положения России, надеясь, что она станет посредницей в торговле между Западом и Востоком.

К началу XVIII века туркменский народ, раздробленный на отдельные племена и роды, испытывал постоянные притеснения со стороны персов, узбеков, калмыков, киргизов и подвергался их беспрестанным опустошительным набегам. Будучи не в состоянии оказать сопротивление сильным и многочисленным соседним племенам, туркмены были вынуждены искать сильного покровителя. Поэтому они неоднократно обращались к русскому царю с просьбой о принятии подданства.

В 1713 году в Астрахань прибыл старшина мангышлакских туркмен Хаджи Нефес [3; 7; 8; 13; 14; 17]. Здесь он познакомился с князем Самановым, который в прошлом был князьком в Гиляни (город в Персии), но принял христианскую веру и стал жить в Астрахани. Хаджи Нефес поведал ему о своем желании видеть русского царя. Саманов поехал с ним к Петру I и через Бековича «представил сего туркменца Его Величеству» [5, ч. VI, 61]. Петру I он сообщил о том, что в верховьях Аму-Дарьи вымывается золотой песок и что эта река раньше текла в Каспийское море, но из-за боязни нападения со стороны русских была узбеками перекрыта плотиной и отведена в Аральское море. Нефес предлагал царю разрушить плотину с помощью туркмен, реку направить в старое русло и завоевать Хиву, тем самым спасти туркменскую землю от засухи, а народ от притеснителей.

В это же время сибирский губернатор князь Гагарин сообщал царю о том, что в Малой Бухарии, в городе Эркети, добывается такой же золотой песок.

Оба эти сообщения привлекли внимание Петра I, тем более, что в 1714 году в Петербург прибыл и посланник хивинского хана Ашур бек, который подтвердил уже известные сведения о золотом песке Аму-Дарьи и о прежнем ее течении.

Таким образом, представлялась возможность путем обращения Аму-Дарьи в старое русло, наладить водный торговый путь России со Средней Азией и Индией. Государь «желал,—читаем мы вслед за Пушкиным в труде И. И. Голикова, — по овладении Восточного берега Каспийского моря ... доставить песочное то золото в свою землю чрез торговлю, а обращением реки той в старой ток соединить оную с Каспийским морем и тем открыть легчайшую дорогу в Индию; но буде бы оказалось оное и не справедливым, что чрез сие возможно будет ознакомиться с тамошними народами, показать им свое могущество и открыть надежнейший торговле Российской путь в ту же Индию»[5, ч. VI, 57].

Не отдавая предпочтения ни одному из полученных известий, Петр I издает указ о снаряжении двух военных экспедиций, одна из которых отправляется в Сибирь. Другая, под начальством кабардинского князя, гвардии капитана-поручика А. Бековича-Черкасского, пользовавшегося особым доверием Петра I, была отправлена к восточному берегу Каспийского моря с целью описания этих мест и поисков прежнего русла Аму-Дарьи. Хаджи Нефес, возвратившись на родину, с разрешения султана Сайдали сопровождал русскую экспедицию и оказывал возможную помощь.

А. Бекович в 1714 году дошел до Гурьева, но возвратился в Астрахань из-за невозможности продолжать плавание по Каспию в связи с появлением льдин на море.

Весной 1715 года он вновь направился к восточному берегу Каспия, получил неопределенные сведения о старом русле Аму-Дарьи, но признал их недостаточными. Обо всем этом он донес Петру I в 1716 году в городе Либаве и представил карту, снятую бывшими с ним дворянами Федоровым и Званским. Петр I, получив донесение А. Бековича, в начале 1716 года командировал флота поручика Кожина для описания и составления карты всего Каспийского моря. В случае надобности он должен был исправить карты и описи, составленные экспедицией А. Бековича.

В пушкинской «Истории Петра» есть фраза, которая требовала от автора уточнения или внесения каких-либо изменений: «Петр предписал поручику Кожину ехать на Каспийское море и сделать оному карту, осмотреть карты и описи Бековичевы АВ» [I, т. IX, 356]. Очевидно, этот знак появился потому, что Пушкин, читая И. И. Голикова, не знал еще о возвращении А. Бековича к Петру I с докладом о проделанной работе. Сообщение об этом в «Истории Петра» появляется несколько позже, но возникает новый знак (?) относительно того, кто же был отправлен «в Хиву посланцем и шпионом» [I, т. IX, 357]. И. И. Голиков, не вдаваясь в эти подробности, повествовал о дальнейших делах Петра I, тогда как для Пушкина эти обстоятельства остались неясными.

В этом же году А. Бековичу было поручено организовать новую экспедицию в Хиву. С этой экспедицией должны были отправиться морские офицеры, а Кожину надо было ехать под видом купчины вверх по Аму-Дарье, нанося свой путь на карту.

В связи с этой экспедицией Петр I полагал привлечь бухарского и хивинского ханов на сторону России и побудить их содействовать распространению русской торговли через их владения до самой Индии. Войско же А. Бековичу нужно было для строительства крепостей, охраны торгового каравана от случайных нападений в степи и для почетного конвоя.

«Между тем поручик Кожин, — читаем пушкинские строки, — прибыл из Астрахани с известием (?) о гибели Бековича...» [I, т. IX, 392]. Знак вопроса был свидетельством того, что И. И. Голиков опять пренебрегал уточнениями факта, увлекаясь лишь его констатацией. Поэтому и возникает новая пометка в «Истории Петра» — (о Бековиче смотри «Ежемесячные сочинения 1760 года») [I, т. IX, 392]. Этот источник был подсказан А. С. Пушкину автором «Деяний Петра Великого».

Сведения об экспедиции А. Бековича в Хиву и результаты его поездки относятся к 1717 году. У И. И. Голикова, а вслед за ним и у Пушкина описание этого события находим в повествованиях о делах Петра I в 1718 году [5, ч. VI, 57—61, 68; I, т. IX, 393—395].

Итак, хотя И. И. Голиков и внес некоторые уточнения в повествование об экспедиции А. Бековича, когда подводил итог этому путешествию, однако Пушкин, очевидно, в будущем намеревался ответить на свои вопросы, обратившись к

«Ежемесячным сочинениям» за 1760 год и внести соответствующие уточнения, изменения, добавления. Подтверждением этого предположения являются слова самого поэта: «...хочу составить себе идею обо всем труде, потом напишу историю Петра за год или в течение полугода и стану исправлять по документам». [18, 335]. Они были сказаны «недели за три до смерти Пушкина» чиновнику Келлеру, занимавшемуся переводом рукописи Гордона, с которым поэт имел беседу у себя на дому и говорил с ним об «Истории Петра».

Решение вопроса о том, читал или не читал А. С. Пушкин «Ежемесячные сочинения» за 1760 год, имеет существенное значение, так как в них он нашел бы хотя и скудные, но гораздо большие описания жизни туркмен того времени, нежели в «Деяниях Петра» И. И. Голикова.

С этой целью обратимся к описанию пушкинской библиотеки, сделанному Б. Модзалевским [8]. В III отделе [9, 124—136] — Журналы и газеты на русском языке — зарегистрированы «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» за 1755 год (2 тома), за 1756 год (2 тома), за 1757 год (2 тома), а за 1760 год — нет [9, 126]. Сообщений о них не содержится и в дополнении к этому описанию [10, 1005].

Можно предположить, что Пушкин мог и не иметь своего личного экземпляра «Ежемесячных сочинений» за 1760 год, но он знал о существовании этого журнала и при случае обязательно обратился бы к нему. Но в «Истории Петра» нет каких-либо дополнений, заимствованных им из названного журнала. Нет и прямых доказательств того, что Пушкин не читал его.

Однако в IV отделе [9, 137—366] этого же описания — Книги на иностранных языках — зарегистрирована книга Н. Н. Муравьева [9, 295] «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» М., 1822 год (на французском языке книга вышла в Париже в 1823 году).

Известно, что к книгам по истории А. С. Пушкин «относился с библиофильской жадностью приобретения, всегда тщательно разыскивал и любовно собирал их» [2, 76].

Очевидно, не случайно этот перевод с русского оригинала книги Н. Н. Муравьева был приобретен поэтом. К тому же, имеется пометка Б. Модзалевского «страницы 1—265 раз-

резаны» [9, 295], дающая право полагать, что А. С. Пушкин читал это произведение.

Упомянутая книга представляет особый интерес в решении вопроса о том, что знал А. С. Пушкин о туркменах.

Николай Николаевич Муравьев, автор «Путешествия...», происходил из известной семьи Муравьевых. Его братьями были декабрист Александр Николаевич Муравьев (1792—1863) и Михаил Николаевич Муравьев (1796—1866) [4, 560].

В 1819—20-х годах Н. Н. Муравьев совершил путешествие от Красноводского залива Каспийского моря в Хиву и обратно. Поводом к этой поездке послужило намерение главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова А. П. установить с туркменами «приятельные» отношения, а также «устроить на тех берегах пристань, в которой купеческие суда наши могли бы лежать спокойно на якоре и безопасно складывать товары свои» [12, 1]. Предполагалось и «установить чрез обширные степи ... постоянную торговлю с Индией», таким образом, продолжить дело, начатое Петром I.

Эти мотивы, а также непосредственное участие в этих событиях современников Пушкина, Н. Н. Муравьева и А. П. Ермолова, могли быть причиной для приобретения указанного произведения.

По возвращении в Россию Н. Н. Муравьев, узнав о большом интересе соотечественников к его путешествию, издал свои записки отдельной книгой, которая состояла из двух частей. Вскоре, через год, появился уже названный перевод, один из экземпляров которого принадлежал поэту.

События, описанные в этом труде, могли быть интересными для Пушкина. Имея уже некоторое представление о туркменах по «Деяниям Петра Великого» И. И. Голликова, он мог их пополнить, просматривая «Путешествия...» Н. Н. Муравьева. Здесь автор описывает нравы туркмен, приводит таблицы главных их поколений (племен), сообщает об образе правления, дает подробное географическое описание степи, простирающейся от Каспийского моря до Хивы, и климатических условий, говорит о занятиях туркмен—торговле, земледелии, скотоводстве, о «просвещении», о взаимоотношениях туркмен с соседними народами. «Путешествие...» — это путевые заметки автора. Они отличаются подробностью описания не только тех мест, где ему пришлось побывать, но и высказывается его отношение к изображаемому.

Прочитав даже не все произведение, а только 260 страниц, Пушкин мог представить образную картину жизни туркмен в XVIII веке.

Путешествие Н. Н. Муравьева, как уже было сказано, предпринималось по инициативе генерала А. П. Ермолова.

Во время своей поездки на Кавказ в 1829 году А. С. Пушкин делает «двести верст с лишним», чтобы посетить прославленного генерала. [I, т. VI, 392—393]. А. П. Ермолов имел с поэтом беседу в течение двух часов. В процессе разговора возникали различные темы. Говорил А. П. Ермолов о Паскевиче, высказывал свое мнение об «Истории» Карамзина, о стихах Грибоедова... Кто знает, может и возникла среди всех прочих тем и тема Туркмении...

Все сказанное может являться доказательством того, что Пушкин знал о существовании туркменских племен, и более того, имел некоторое представление о той области, где они обитали.

Интерес к туркменам у поэта мог возникнуть в начале 30-х годов XIX века, и в период изучения различных источников для будущей «Истории Петра».

Изученная литература

1. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Издательство АН СССР, М., 1958 г., т. IX, т. VI.
2. Альманах библиофила, Лен-ое об-во библиофилов, 1929 г.
3. Л. С. Берг. «История исследования Туркмении» — в кн. Туркмения, т. I, Изд-во АН СССР, Л., 1929 г.
4. Большая советская энциклопедия, 2-е издание, Государственное научное издательство «БСЭ».
5. И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России; собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Издание Н. И. Новикова 1788—1797 гг., ч. I—IX.
6. Т. Г. Ильинская. Лексика «Истории Петра» Пушкина. Автореферат. Тбилиси, 1954 г.
7. А. Каррыев «Величайшее прогрессивное значение присоединения Туркмении к России» — в ж. «Коммунист Туркменистана», 1953 г., № 1.
8. Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию, С.-п., 1900 г.

9. Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание, Спб., 1910 г.
10. Б. Модзалевский. «Библиотека Пушкина. Новые материалы — в кн. «Литературное наследство» № 16—18, 1934 г.
11. П. Попов. «Пушкин в работе над историей Петра I» — в кн. «Литературное наследство», № 16—18, «Журнально-газетное объединение», М., 1934 г.
12. П. С. Попов. «О работе А. С. Пушкина над историей Петра» — «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та, т. I XVI, 1958 г. Труды кафедры русской литературы, вып. 4.
13. П. Скосырев. Туркменистан. Издательство ЦК ВЛКСМ, «Молодая гвардия», М., 1948 г.
14. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. Сочинения А. Попова, С.-п., 1853 г.
15. Туркмения. Издательство АН СССР, Л., 1929 г., т. I.
16. И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина, 5-е издание, «Советский писатель», 1969 г.
17. М. Юдин. «Начало сношений с туркменским народом». — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXIX. Оренбург, 1913 г.
18. Ж. «Русская старина», 1914 г., т. 157, янв.—март.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТУРКМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ РУССКОЙ И
ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

АШХАБАД—1976